1150 лет
российской
государственности

РУСЬ В IX–X ВЕКАХ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

Целевой конкурс
«1150 лет российской государственности»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

РУСЬ В IX–X ВЕКАХ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА

Ответственный редактор
академик
Н. А. МАКАРОВ

МОСКВА – ВОЛОГДА
«ДРЕВНОСТИ СЕВЕРА»
2012

УДК 902/904
ББК 63.4
Р89

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
целевой конкурс «1150 лет российской государственности»,
проект № 12-31-08034а (ц)

Редакционная коллегия:
академик Н. А. Макаров (ответственный редактор),
член-корр. РАН П. Г. Гайдуков, к. и. н. С. Д. Захаров,
член-корр. РАН Е. Н. Носов, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. В. В. Мурашёва

Авторы:
П. Г. Гайдуков, А. А. Гиппиус, А. В. Григорьев, Н. В. Ениосова, И. И. Еремеев,
С. Д. Захаров, С. С. Зозуля, В. А. Калинин, А. В. Комар, Э. В. Королёва, А. Е. Леонтьев,
Н. В. Лопатин, Н. А. Макаров, А. А. Молчанов (†), В. В. Мурашёва, А. В. Назаренко,
Н. Г. Недошивина, Е. Н. Носов, Т. А. Пушкина, Е. В. Салмина, Е. А. Яковлева

В подготовке издания принимали участие:
С. А. Авдусина, А. А. Гомзин, И. Е. Зайцева, А. М. Красникова, В. С. Кулешов,
И. С. Торопов, С. Е. Торопов, Н. С. Сафронова, Н. В. Хвощинская

Рецензенты:
д. и. н. Л. А. Беляев, д. и. н. А. В. Чернецов

На обложке: вид Новгородского (Рюрикова) городища с окрестностями (фото Е. В. Гордюшенкова, 27 апреля 2012 г.).
На фронтисписе: златник Владимира Святославича. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(фото А. Я. Лаврентьева). На титульном листе: то же, в натуральную величину.

Русь в IX–XI веках : археологическая панорама / Ин-т археологии РАН ; отв. ред. Н. А. Макаров. –
Р89 Москва ; Вологда : Древности Севера, 2012 – 496 с. : ил.
ISBN 978-5-93061-068-0

В книге представлено новейшее обобщение археологических материалов, имеющих наибольшее значение для понимания эпохи формирования Древнерусского государства. Издание открывается обзорами письменных и археологических источников по истории ранней Руси. Основу книги составляет серия очерков, посвящённых отдельным ключевым археологическим памятникам и регионам. В заключительной части рассмотрены некоторые общие проблемы: торговые пути и их роль в формировании государственной территории, ранний русский монетный чекан, княжеские знаки, общие процессы в развитии расселения и культуры по археологическим данным.

Издание предназначено для историков, археологов и всех, кто интересуется историей Руси.

УДК 902/904
ББК 63.4

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2012
© Авторы разделов (фамилии выделены в «Содержании» курсивом), 2012
© Оформление. ООО НИЦ «Древности Севера», 2012

ISBN 978-5-93061-068-0

Содержание

Предисловие (*Н. А. Макаров)* 6

Часть I
ИСТОЧНИКИ: ТЕКСТЫ И МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Русь IX века: обзор письменных источников (*А. В. Назаренко)* 12
До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции (*А. А. Гиппиус)* 36
Археологические древности как источник знаний о ранней Руси (*Н. А. Макаров)* 64

Часть II
СЕВЕРО-ЗАПАД

Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье (*Е. Н. Носов)* 92
Изборск (*Н. В. Лопатин)* 122
Псков (*Е. А. Яковлева, Е. В. Салмина, Э. В. Королёва)* 138

Часть III
СЕВЕРО-ВОСТОК

На берегах озёр Неро и Плещеево (*А. Е. Леонтьев)* 162
Курганы Ярославского Поволжья (*Н. Г. Недошивина, С. С. Зозуля)* 178
Суздальское Ополье (*Н. А. Макаров)* 194
Белоозеро (*С. Д. Захаров)* 212

Часть IV
ЗАПАД

Гнёздовский археологический комплекс (*Т. А. Пушкина, В. В. Мурашёва, Н. В. Ениосова)* 242
Полоцкая земля (*И. И. Еремеев)* 274

Часть V
ЮГ

Киев и Правобережное Поднепровье (*А. В. Комар)* 300
Чернигов и Нижнее Подесенье (*А. В. Комар)* 334
На Десне и Сейме, в верховьях Дона и Оки (*А. В. Григорьев)* 366

Часть VI
СТАНОВЛЕНИЕ РУСИ: ПРОСТРАНСТВО И ВЛАСТЬ

Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII – X в. (*А. Е. Леонтьев, Е. Н. Носов)* 382
Древнейшие русские монеты (*П. Г. Гайдуков, В. А. Калинин)* 402
Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика (*А. А. Молчанов †)* 436
Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий (*Н. А. Макаров)* 448

Источники и литература 460
Список сокращений 494
Сведения об авторах 495

Н. Г. Недошивина, С. С. Зозуля

Курганы Ярославского Поволжья

Среди археологических памятников эпохи раннего Средневековья в ярославском течении Волги наиболее крупными и значительными являются три курганные группы, находящиеся близ села Михайловское и деревень Петровское и Большое Тимерёво, в радиусе 10–12 км от г. Ярославля. В археологическую литературу эти памятники, изучение которых длится уже более 120 лет, вошли под общим названием курганов Ярославского Поволжья.

Исследование Михайловских курганов, расположенных в 4 км от левого берега р. Волги, началось ещё в 1896 г., когда несколько насыпей здесь были вскрыты И. А. Тихомировым. В последующие годы курганы неоднократно подвергались раскопкам. Кроме И. А. Тихомирова, работы проводили В. А. Городцов, Т. Арне, Д. Н. Эдинг, Я. В. Станкевич. В 1960 г. экспедицией ГИМ снят глазомерный план памятника. Выяснилось, что к этому времени в группе, ещё в 1930-е гг. насчитывавшей около 400 насыпей, сохранилось лишь 219 курганов, большая часть которых оказалась повреждена. В 1961 г. экспедиция ГИМ завершила исследование Михайловских курганов, раскопав 44 насыпи, и в настоящее время мы располагаем данными разной степени достоверности о 178 раскопанных курганах. Ныне этот памятник полностью уничтожен.

При раскопках курганов выяснилось, что ряд насыпей в южной части некрополя сооружён из культурного слоя. В 1993 г. К. И. Комарову удалось установить, что с юга к курганной группе примыкает селище размером 160×180 м. Собранный подъёмный материал указывает на синхронность этих памятников (АКР, Ярославская область, 2005, с. 92).

Курганный могильник близ д. Петровское находится в 4 км к востоку от д. Большое Тимерёво. По сообщению Д. Раевского, обследовавшего памятник в 1877 г., он состоял из множества курганов, которые занимали площадь около 4,5 га. Некоторые уже тогда распахивались. В настоящее время могильник насчитывает всего 141 насыпь.

Впервые некрополь подвергнут раскопкам П. О. Черневским в 1880 г. Затем небольшие работы велись И. С. Абрамовым. В 1962–1963 гг. на памятнике проводила работы экспедиция ГИМ, вскрыв 106 насыпей. К изучению Петровского в 1988 г. вернулся В. Н. Седых, исследовавший ещё 4 кургана. На сегодняшний день мы располагаем данными о 126 раскопанных насыпях.

Могильнику, по-видимому, соответствует селище, расположенное рядом на обоих берегах р. Шахтерки. Поселение практически не исследовалось археологически. Его размеры составляют примерно 200×500 м.

Наиболее сохранившимся из этих некрополей, ярким и полно изученным, является Тимерёвский могильник, который находится на правом берегу р. Сечки, притоке р. Которосли. Здесь в настоящее время насчитывается около 400 насыпей, занимающих площадь 4,5 га (рис. 2). С могильником связано поселение, прилегающее вплотную к курганам[1]. Тимерёвский археологический комплекс является одним из важных источников при решении проблем, связанных с образованием Древнерусского государства, его социальной структурой, формированием населения района Верхней Волги, а также его занятий и религиозных воззрений.

[1] Ещё одно синхронное (?) поселение располагается на территории самой деревни Большое Тимерёво, к северо-востоку от могильника. Вероятно, поселение располагалось и на противоположном берегу р. Сечки, напротив некрополя. С этим поселением можно связать находки кладов 1967 (?) и 1968 гг.

Археологическим изучением Тимерёвского поселения занималась экспедиция ЛГУ под руководством И. В. Дубова (1973–1977), затем В. Н. Седых (1984–1990). Основные результаты исследований опубликованы в специальной монографии И. В. Дубова (Дубов, 1982). Выводы автора далеко не бесспорны, что уже отмечалось в литературе (Леонтьев, 1989 б). В общей сложности на поселении раскопано около 6,5 тыс. кв. м. Культурный слой, мощность которого редко превышает 0,4 м, почти полностью распахан. Непотревоженными остались лишь углублённые части построек и производственных комплексов. По оценкам И. В. Дубова, исследовано более 50 жилых, хозяйственных и производственных сооружений. Их реконструкция осложнена плохой сохранностью напластований. Постройки были, в основном, наземными, слегка углублёнными в материк. При их возведении активно использовались столбовые конструкции. Планировка поселения бессистемна. Выявленная линия неглубоких и весьма редких столбовых ям позволила И. В. Дубову включить Тимерёво в число укреплённых поселений, что встретило вполне обоснованную критику.

Вместе с тем, на селище обнаружен не только обычный для этого времени археологический материал, но и достаточно многочисленные импорты среднеевропейского, скандинавского, булгарского, арабского, среднеазиатского и византийского происхождения. Важно отметить находку на территории поселения крупного клада и ещё двух (?) кладов – на противоположном берегу р. Сечки. Благодаря значительной вскрытой площади, выяснилось, что на поселении присутствуют как синхронные могильнику материалы, так и более поздние, в том числе стеклянные браслеты древнерусского производства.

Первые достоверные археологические работы на некрополе Тимерёва связаны с именем финского археолога И. Аспелина, раскопавшего в 1872 г. 2 насыпи (Aspelin, 1874). В 1878 г. А. И. Кельсиев исследовал здесь 34 кургана, инвентарь которых сохранился в фондах Государственного исторического музея (Кельсиев, 1878–1879). В 1887 г. на территории Тимерёвского некрополя проводили раскопки участники VII Археологического съезда. В 1900 г. к исследованиям Тимерёвских курганов обращается И. А. Тихомиров, вскрывший 14 насыпей. Два кур-

Рис. 2. Современный вид на Тимерёвские курганы и поселение с левого берега р. Сечки. Фото И. В. Папина, 2012 г.

гана были раскопаны в 1908 г. И. С. Абрамовым, ещё два – И. М. Новицким в 1913 г. (Тихомиров, 1900; Абрамов, 1908; Новицкий, 1913).

В результате всех этих работ выяснилось, что преобладающая часть насыпей могильника содержит остатки трупосожжений, а погребения отличаются бедностью инвентаря. Следует заметить, что случайный, несистематический характер раскопок не дал возможности составить полное представление о Тимерёвском некрополе.

В 1938–1939 гг. работы в Тимерёве производила сотрудница ИИМК РАН Я. В. Станкевич, раскопавшая 26 насыпей, что позволило ей собрать интереснейший материал и «хорошо восстановить обряд погребения» (Станкевич, 1941, с. 59).

Новый этап в изучении некрополя начинается в 1959 г., когда к его раскопкам приступает совместная экспедиция Государственного исторического музея и Института археологии АН СССР под руководством М. В. Фехнер. В течение трёх лет (1959–1961 гг.) исследовано 282 кургана. Результатом этих работ стала монография «Ярославское Поволжье X–XI вв.». В 1974–1978 гг. экспедиция Государственного исторического музея возвращается к раскопкам в Тимерёве, исследовав ещё 96 насыпей.

В общей сложности за два периода работы на территории некрополя экспедицией Государственного исторического музея изучено 378 курганов. Это позволило в полной мере составить представление о характере памятника, погребальном обряде, инвентаре и времени сооружения курганов, что и было изложено в двух статьях, посвящённых этим проблемам (Недошивина, Фехнер, 1985; Фехнер, Недошивина, 1987).

Одновременно с экспедицией Государственного исторического музея Тимерёвский комплекс с 1972 г. исследовался отрядом ЛГУ под руководством И. В. Дубова. В 1973 г. был доследован один курган (№ 95), давший интересный материал. В 1976 г. на юго-западной окраине селища с помощью металлодетектора обнаружен распаханный курган, погребение в котором оказалось непотревоженным (Дубов, 1976; Кирпичников, Дубов, 1982, с. 150).

С 1984 г. Ярославский отряд ЛГУ под руководством В. Н. Седых возобновил работу на могильнике. За семь полевых сезонов исследовано не менее 9 насыпей (Седых, 2003, с. 272, 276–277). Подсчитать точное количество погребений в распаханных курганах и межкурганном пространстве по публикациям автора не представляется возможным.

Таким образом, за весь период работ, проводившихся в Тимерёве, изучено не менее 472 курганных насыпей.

Исследованиям Тимерёвского могильника посвящено значительное количество публикаций, начиная со статей И. А. Тихомирова (Тихомиров, 1906; 1909), который очертил круг основных проблем, ставших предметом острых дискуссий на протяжении всего XX в. Историографии изучения памятников и связанных с ними проблем посвящены две специальные работы (Дубов, 1978; Кураев, 1999), что позволяет нам не останавливаться на этом вопросе подробно.

Все курганы Тимерёвского могильника имеют полусферическую форму. Вокруг основания большинства насыпей прослеживаются ровики шириной до 1,5 м, глубиной от 0,25 до 1,5 м, которые могли в двух-трёх местах прерываться перемычками.

Размеры курганов различные. Высота большинства насыпей при диаметре 5–9 м колеблется от 0,5 до 1,0 м; курганы высотой от 1,0 до 2,0 м с диаметром 10–20 м составляют 15 % от общего числа насыпей; ещё 10 % приходится на небольшие курганы – до 0,5 м высотой при диаметре 2,5–4,0 м.

В настоящее время мы располагаем материалами более чем 450 захоронений, из которых около 70 % представляют остатки кремаций и около 30 % – ингумаций.

В Тимерёве, как и во многих других некрополях Восточной Европы и Фенноскандии VIII–X вв., встречаются два типа кремаций: сожжения, совершённые на месте насыпки кургана, и сожжения, произведённые на стороне.

В Тимерёвском могильнике большинство зафиксированных трупосожжений совершено на месте. Кострища овальной и круглой формы толщиной 0,1–0,2 м, насыщенные кальцинированными костями и остатками погребального инвентаря, занимали центральную часть кургана и располагались на материке или на небольшой подсыпке. Размеры кострищ различны (от 3–5 до 15–20 кв. м), что, очевидно, зависело от социального положения покойника и его возраста.

Интересно, что в 58 случаях удаётся определить положение погребённого на кострище, исходя из ориентировки последнего и расположения на нём костей и инвентаря: С–Ю, СВ–ЮЗ, З–В. Кострища с ориентировкой З–В расположены в восточной и центральной частях некрополя.

В ряде погребений кальцинированные кости лежали на кострище в непотревоженном виде. В большинстве случаев вместе с перегоревшими вещами и остатками самого погребального костра они сгребались к центру сожжения. В некоторых курганах кости помещались в урну, установленную в центре на зольно-угольном слое; иногда урны стояли вверх дном, прикрывая груду пережжённых костей. В нескольких курганах кальцинированные кости вместе с инвентарем были захоронены в неглубоких (0,2–0,35 м) ямах, вырытых под кострищем уже после сожжения умершего.

Различия в ритуале встречаются и среди второй группы курганов – с трупосожжениями, совершёнными на стороне, что сближает их с насыпями,

содержащими трупосожжения на месте. Сходство между двумя группами сожжений проявляется, прежде всего, в таких деталях обряда, как способ размещения человеческих останков в курганной насыпи. Так, в погребениях второй группы остатки кальцинированных костей и инвентаря с примесью незначительного количества золы и угля помещались в центре насыпи на материке, реже – в грунтовой яме или урне.

Одной из характерных особенностей трупосожжений как на месте, так и на стороне, является наличие костей жертвенных животных: крупного рогатого скота, лошади, свиньи, собаки. Кости домашней птицы были во всех случаях нежжёными и лежали отдельными скоплениями.

Сходство между двумя группами трупосожжений наблюдается и в наличии камней и каменных конструкций в погребениях (в 24 сожжениях на месте и в 20 на стороне). Так, камни окружали кольцом кострища или груду кальцинированных костей (в сожжениях на стороне). Иногда урны были обложены камнями, стояли на каменных плитах, были покрыты плоскими камнями, иногда камнями прикрывали груды костей на кострище.

Чем же объяснить различия в погребальной обрядности, когда одна группа населения хоронила своих умерших, сжигая их на месте сооружения кургана, а другая – переносила к месту погребения кремированные на стороне останки умершего? Вопрос этот до сих пор остается нерешённым. Существует точка зрения, что курганы с трупосожжением на стороне в массе своей предшествуют курганам, в которых трупосожжения совершены на месте. К такому выводу пришёл И. В. Дубов, анализируя погребальный обряд Тимерёвского некрополя. Курганы с кремациями на стороне, по его мнению, представляют собой древнейшее ядро некрополя, они проходят узкой полосой через всю территорию памятника, с наибольшей концентрацией в центре некрополя. В первой половине X в., заключил И. В. Дубов, трупосожжения на стороне сменяются кремациями на месте; с середины X в. курганы содержат исключительно сожжения на месте, к этому времени увеличиваются размеры насыпей, погребения сопровождаются богатым и разнообразным инвентарём (Дубов, 1981). Стоит отметить, что подобную точку зрения высказывала и Я. В. Станкевич. По её мнению, древнейшая часть Тимерёвского некрополя занимает господствующую в топографическом плане гряду, тянущуюся по центральной части могильника с СВ на ЮЗ. Однако, в отличие от И. В. Дубова, Я. В. Станкевич относила к древнейшим сожжения, совершённые не только на стороне, но и на месте погребения. Более того, исследовательница считала оба варианта одновременными (Станкевич, 1941, с. 60, 64, 66).

Все отмеченные детали обряда позволяют утверждать, что никаких различий между двумя группами сожжений выявить не удаётся. Напротив, как мы попытаемся показать ниже, связь погребальной обрядности двух групп представляется бесспорной.

Заслуживает внимания и тот факт, что в ряде курганов Тимерёвского некрополя находились остатки двух трупосожжений: одно было совершено на месте сооружения кургана, а другое – на стороне. Захоронения были совершены одновременно.

Картографирование обеих групп трупосожжений показывает, что топографически они не обособлены, встречаются на всей территории кладбища, не образуя какой-либо полосы, и не различаются по своим размерам – ни по высоте, ни по диаметру.

И, наконец, сходство между этими двумя группами курганов наблюдается и в отношении погребального инвентаря. Он состоит из одинаковых по форме бронзовых украшений, каменных и стеклянных бус, железных орудий и предметов быта и, что особенно важно, предметов языческого культа – глиняных лап и колец (рис. 1). Важно отметить также, что аналогичная по формам лепная керамика присутствует как в трупосожжениях на месте, так и на стороне (Смирнова, 1987).

Совокупность всех данных приводит к заключению, что эти две формы обряда в течение X в. сосуществуют и не связаны с этническими, социальными или возрастными различиями.

Обратимся к курганам Тимерёвского некрополя, содержащим захоронения по обряду трупоположения. Размеры их различны, однако преобладают курганы диаметром 5–8 м, при высоте в среднем 0,4–1,0 м. Они делятся на три группы: погребения на материке, в могильной яме и в насыпи кургана.

К первой группе относятся более 100 захоронений. В половине таких комплексов кости погребённых не сохранились, однако наличие на материке вещей (сосудов, ножей, гвоздей от гроба и т. п.) позволяет и эти комплексы отнести к погребениям на горизонте. Трупоположения на материке являются, как правило, единственными захоронениями в кургане. Однако встречены случаи, когда, кроме основного трупоположения, на горизонте находились остатки сожжений или впускные трупоположения в насыпи.

Погребения в ямах – это одиночные и обычно единственные захоронения в курганах. Отмечено лишь несколько случаев, когда ямные погребения были впускными в курганы с сожжениями. Могильные ямы имеют различные размеры: длина их колеблется от 1,6 до 3,0 м, ширина – от 0,75 до 2,0 м. Чаще всего встречаются ямы длиной 2,5–2,7 м и шириной 1,0–1,5 м. Глубина могил обычно составляла 0,2–0,4 м, в ряде случаев достигая 0,5–0,7 м. Все погребённые в ямах были обращены головой на запад или юго-запад. Единичные случаи отклонения от западной ориентировки встречены только в трупоположениях на горизонте в юго-восточной части

Рис. 3. Сосуд с налепом в виде креста и свеча из курганов № 430 и № 100 в Тимерёво (ГИМ 103390, оп. 2129; 104269, оп. 2475). Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

могильника. Ни детали обряда, ни набор инвентаря не дают оснований отнести захоронения с разной ориентировкой к различным этническим группам.

Некоторые детали погребальной обрядности, встреченные в курганах с трупоположениями, сближают их с насыпями, содержавшими сожжения, что свидетельствует о преемственной связи этих двух групп захоронений. К таким деталям следует отнести наличие в трупоположениях костей домашних животных: крупного рогатого скота, лошади, свиньи, барана. Камни и каменные конструкции в курганах с ингумациями также нередки. Камни находят в насыпях, около костяков (у ног, около черепа) или поверх них; камнем могли прикрывать поставленный рядом с умершим сосуд.

Пережитком обряда трупосожжения является наличие в курганах с ингумациями угля и угольных прослоек. Отмечено 16 случаев, когда костяки лежали на угольном слое, либо рядом с погребённым зафиксированы крупные куски угля, или же поверх могильной ямы после её засыпки разводился костер.

Картографирование курганов с трупоположениями показало, что большинство ингумаций расположено в юго-восточной части некрополя, причём восточная часть этого массива занята только ими, а в южной они располагались вперемешку с сожжениями. Небольшие скопления курганов с трупоположениями отмечены в северной и западной частях некрополя, а две небольшие группы курганов с ингумациями присутствуют в его центральной части. Очевидно, основная масса таких погребений концентрируется на периферии некрополя.

Наиболее интересными среди трупоположений Тимерёвского некрополя следует признать камерные погребения. Критерии выделения этого типа погребений достаточно подробно разработаны (Жарнов, 1998; Михайлов, 2001; Graslund, 1980). Опираясь на них, к камерным в Тимерёве традиционно относят захоронения, совершённые в шести курганах (№ 100, № 284, № 297, № 348, № 413, № 459) (Недошивина, Фехнер, 1985, с. 110–113; Дубов, Седых, 1993). Однако погребение из кургана № 413 не отвечает набору признаков, характерных для камерных захоронений. Его можно причислить к особой группе курганов с трупосожжениями, кострища которых ограничены со всех сторон обгорелыми плахами – то есть к захоронениям по обряду сожжения на месте, где в качестве погребального костра выступала не углублённая в материк, вероятно, срубная конструкция. Таких курганов в Тимерёве ещё пять (№ 85, № 141, № 277, № 287, № 344, № 460), но, в отличие от перечисленных комплексов, в насыпи № 413 зафиксировано сожжение на стороне. Таким образом, камерных захоронений в Тимерёве оказывается лишь пять.

Одним из наиболее ярких является камерное погребение из кургана № 100[2] (Фехнер, Янина, 1978; Недошивина, Фехнер, 1985, с. 108, 110–112; Фехнер, Недошивина, 1987, рис. 1; 2; 5). В кургане обнаружена камера размерами 5,2 × 3,75 м, углублённая в материк на 0,3 м. От перекрытия камеры сохранилось пять обгоревших плах, здесь же обнаружена обожжённая восковая свеча (рис. 3).

[2] В кургане № 100 совершено не одно погребение, камерные погребения в курганах № 348, № 297 и № 459 также не являлись единственными захоронениями, но в тексте данной работы мы позволим себе опустить данные подробности.

Последнее обстоятельство позволило связать захоронение из кургана № 100 с процессом христианизации Древней Руси. В камере было совершено парное трупоположение мужчины и женщины. Здесь найдены также останки двух лошадей и двух особей крупного рогатого скота. Погребальный инвентарь состоял из предметов вооружения (меч, копьё, фрагменты железных деталей колчана, две стрелы), снаряжения всадника и верхового коня (две пары удил, два стремени, плеть, элементы узды) (рис. 4), торгового инвентаря (кожаный кошелёк с семью дирхемами, весовая гирька и весы, от которых сохранились две чашечки, коромысло, шёлковые нити и кожаный футляр), бытовых предметов (два ножа, железная цепь, кубический замок, бронзовый поднос (?), игральная шашка, два ледоходных шипа). К женским украшением относятся серебряный перстень с квадратной вставкой, серебряный браслет, два серебряных круглопроволочных височных кольца, бусы и бисер (рис. 5). Крайне редкой находкой является золотой перстень (?). Судя по размеру, он мог принадлежать мужчине (рис. 6).

Рис. 4. Стремена и удила из кургана № 100 в Тимерёво (ГИМ 103390, оп. 2129). Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Для решения вопроса о датировке этого погребения традиционно привлекается нумизматический материал. Наиболее поздний из найденных дирхемов чеканен в Самарканде в 362 г. х. (972/973 г.). С опорой на эту находку традиционным стало отнесение захоронения к 70–80-м гг. X в. Но дата чеканки одной из нескольких монет не может являться основанием для столь узкой датировки. Более корректным, с нашей точки зрения, было бы отнесение комплекса к последней четверти X в.

Остановимся ещё на одном камерном захоронении. В кургане № 348 обнаружено парное трупосожжение, кострище которого было прорезано погребальной камерой размерами 2,9 × 1,9 м, углублённой в материк на 0,6 м (Недошивина, Фехнер, 1985, с. 110; Фехнер, Недошивина, 1987, рис. 9). Деревянных конструкций, едва ли не обязательного атрибута камерных захоронений, обнаружено не было, однако есть основания предполагать как минимум наличие деревянного перекрытия-«потолка». В могильной яме находился костяк женщины, погребённой в сидячем положении. В инвентаре присутствуют две овальные и круглая (рис. 7) фибулы. На обратной стороне круглой фибулы находилось ушко для крепления железной цепочки, на которой, по мнению авторов раскопок, висели односторонний костяной гребень с бронзовыми позолоченными накладками и, возможно, небольшой нож, рукоятка которого обвита тонкой серебряной проволокой (рис. 8; 9). На фаланге пальца правой руки найден серебряный перстень с сердоликовой вставкой, на которой вырезана арабская надпись. В районе тазовых костей лежали 18 бус (12 – из горного хрусталя различной формы и размера, 6 – из глухого стекла жёлтого, голубого и зелёного цветов), бутылковидная подвеска, две превращённые в подвески монеты (дирхем и денарий). Также в районе таза лежал обломок ключа от деревянного замка, четырёхгранное массивное кольцо, обломки иглы от скорлупообразной фибулы и оковки шкатулки с гвоздиками. На черепе и близ него обнаружены серебряные уточные нити со слабыми следами позолоты, которые, возможно, являлись остатками тканой на дощечках металлизированной тесьмы от головного убора. На черепе и в районе груди отмечены следы тончайшей шёлковой ткани полотняного переплетения, которая, видимо, прикрывала лицо и грудь покойной. В районе ног, с правой стороны от костяка, обнаружены развалы двух лепных сосудов, часть нижней челюсти свиньи и кость теленка.

Погребение в кургане № 348 датировали и первой половиной X в. (Недошивина, Фехнер, 1985, с. 110; Дубов, Седых, 1993, с. 150; Михайлов, 2001, с. 168–169), и второй половиной этого столетия (Мальм и др., 1977, с. 60). В настоящее время предложена иная датировка – 990–1010 гг. (Зозуля, 2011).

Рис. 5. Серебряные украшения и стеклянные бусы из кургана № 100 в Тимерёво (ГИМ 103390, оп. 2129)

Рис. 6. Золотой перстень из кургана № 100 в Тимерёво (ГИМ 103390, оп. 2129)

Рис. 7. Круглая фибула с типичным скандинавским орнаментом из кургана № 348 в Тимерёво (ГИМ 103949, оп. 2366)

Рис. 8. Расчёска с бронзовыми накладками из кургана № 348 в Тимерёво (ГИМ 103949, оп. 2366)

Рис. 9. Нож, рукоятка которого обвита тонкой серебряной проволокой, из кургана № 348 в Тимерёво (ГИМ 103949, оп. 2366)

Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Рис. 10. Гривна из кургана № 459 в Тимерёво (ГИМ 104269, оп. 2475).
Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Не менее ярким по обряду и погребальному инвентарю оказалось камерное женское захоронение в кургане № 459, совершённое в могильной яме значительных размеров: 3,75 × 3,0 м, углублённой в материк на 0,7–0,75 м (Недошивина, Фехнер, 1985, с. 108; Фехнер, Недошивина, 1987, рис. 6, 7). Костяк женщины не сохранился, но его ориентировка достоверно реконструируется благодаря расположению погребального инвентаря. Среди находок – серебряная витая шейная гривна, на которой надеты шесть бусин и три подвески (рис. 10), серебряные перстень и браслет, ложечка из цветного металла, бронзовый цепедержатель, вставка от перстня, две бусины, бочковидная гирька, обломки двух арабских монет плохой сохранности, фрагментированная бронзовая чаша, остатки деревянной мисочки с серебряными оковками по краю и крупной крепившейся ко дну бляхой, железные обручи и дужка от ведра, бронзовая пуговка. В погребении найден и ряд изделий из железа: пружинные ножницы, ручка шкатулки, наконечник стрелы, фрагмент личины замка, нож. В могиле стояли два глиняных горшка, причём один из них лепной, второй – гончарный. Здесь же найден зуб лошади. Одной из наиболее интересных в погребении находок можно считать крестик, вырезанный из арабской монеты, чеканенной в 969/970 г. (рис. 11), что позволяет отнести это, по всей видимости, одно из первых христианских захоронений могильника, к последней четверти X в.

Ещё два камерных захоронения исследованы экспедицией ЛГУ под руководством В. Н. Седых. Внутри камеры в кургане № 284 найден костяк мужчины, захороненного в сидячем положении. В погребении обнаружен разнообразный инвентарь, в том числе две арабские монеты. Автор раскопок отнёс курган к середине X в. (Седых, 2001, с. 178–179).

В погребальной камере кургана № 297 находилось двойное трупоположение – женщины и девочки. В насыпи сохранились остатки деревянных конструкций, характерных для этого типа захоронений. Среди многочисленного инвентаря присутствуют парные фибулы типа ЯП 51 К, позволившие авторам раскопок датировать захоронение второй – третьей четвертью X в. (Дубов, Седых, 1992, с. 116–122; рис. 1: 2, 3; Дубов, Седых, 1993, с. 147–148).

В погребальном обряде и инвентаре всех камерных захоронений Тимерёва прослеживаются скандинавские черты. Без сомнения, все камерные погребения относятся ко времени не ранее второй половины X в., возможно, к последней четверти X – началу XI в.

Обратимся к анализу погребального инвентаря Тимерёвского могильника, так как это позволяет определить время существования некрополя, пролить свет на этнический и социальный состав, имущественную неоднородность населения, оставившего этот памятник. В данной работе мы не сможем в полной мере охарактеризовать все категории погребального инвентаря[3], поэтому остановимся лишь на ключевых группах вещей, анализ которых может помочь в решении поставленных задач.

Предметы вооружения из Тимерёва, обнаруженные в 50 курганах (в 51 погребении), не раз привлекали внимание исследователей, им посвящена серия специальных работ (Недошивина, 1963; Кирпичников, Дубов, 1982; Недошивина, 1991; Дубов, 1999; Седых, 2006; Зозуля, 2008).

Картографирование курганов с предметами вооружения показывает, что в их расположении не прослеживается какой-либо закономерности: эти погребения рассеяны по всей площади некрополя. Оружие встречается как в трупосожжениях (35 погребений), так и в трупоположениях (16 погребений).

Мечи обнаружены в трёх трупоположениях, а в одном трупосожжении найдены навершие меча и фрагмент перекрестия. Меч из кургана № 100 относится к типу W, на лезвии – клеймо в виде буквы С. Меч, относящийся к типу Н, входил в инвентарь погребения кургана № 295. Третий целый меч (тип Е) с клеймом «Ульфберт» на клинке найден в распаханном кургане на юго-восточной окраине некрополя.

Наконечники ножен мечей найдены дважды (курган № 274 и случайная находка 1961 г. на территории могильника). Причём в кургане № 274 не было обнаружено ни самого меча, ни другого оружия. В четырёх захоронениях найдены фрагменты кольчужного полотна. Из кургана № 100 происходит единственное копьё. Уникальной находкой является и скрамасакс в ножнах с бронзовыми оковками, обнаруженный в кургане № 295.

Боевые топоры присутствуют в 12 мужских захоронениях – в двух трупосожжениях и 10 трупоположениях.

В 7 трупосожжениях (и на месте, и на стороне) найдены фрагменты костяных накладок на лук. Колчаны в виде обломков железных петель, оковок днищ, горловин и прочего обнаружены в 4 кремациях и 1 ингумации. В 24 насыпях найдены наконечники стрел в количестве 35 экземпляров.

Вообще, находки нескольких категорий вооружения в одном захоронении – большая редкость для Тимерёва. В 47 случаях в погребениях обнаружена только одна категория оружия. Из 51 погребения в 21 содержались только наконечники стрел, причём в 19 случаях наконечник стрелы был представлен единственным экземпляром. Все четыре фрагмента кольчужного полотна также оказались единственными предметами вооружения в погребениях, причём некоторые из этих погребений были женскими. В женских захоронениях изредка встречаются и единичные наконечники стрел. Определение погребений с

[3]Более подробную информацию о погребальном инвентаре см.: Ярославское Поволжье X–XI вв.; Фехнер, Недошивина, 1987.

единичными наконечниками стрел или фрагментами кольчужного полотна как «дружинных» вызывает сомнения, а они составляют немногим менее половины захоронений Тимерёва с предметами вооружения. Однако можно предположить, что в таких случаях мы сталкиваемся с некоторыми символическими функциями предметов вооружения, призванных подчеркнуть принадлежность погребённого к определённой группе населения, так или иначе связанной с воинской средой.

Что же касается мужских трупоположений с топорами, которые тоже являются, как правило, единственным предметом вооружения в захоронении, то их принадлежность к воинским не вызывает сомнений.

Наибольшим разнообразием предметов вооружения отличаются погребения с мечами (курганы № 100, № 287, № 295, курган 1976 г.). Именно в захоронениях, где найдены мечи, обнаружены копьё (курган № 100) и скрамасакс (курган № 295). Трижды в комплексах с мечами найдены ещё и наконечники стрел, один раз – детали колчана.

Наиболее интересным по набору оружия является камерное захоронение кургана № 100. Кроме меча, копья и деталей колчана, в камере обнаружены два железных наконечника. Они близки по формам находкам, распространённым на территории Скандинавии. Особенно интересен экземпляр, снабжённый «крылышками». Судя по значительным размерам и весу, это, скорее, наконечник сулицы.

Курганы с предметами вооружения относительно общего количества насыпей составляют в Тимерёве немногим более 10 %. Примерно такой же процент курганов с предметами вооружения зафиксирован в могильниках Гнёздова и Бирки.

Совместно с предметами вооружения традиционно рассматривается снаряжение всадника и верхового коня. Наиболее представительный набор находок встречен также в кургане № 100. Здесь обнаружены две пары удил, два стремени (рис. 4), рукоять плети, детали узды и подпружная пряжка. Особого внимания заслуживает рукоять плети, переделанная из инкрустированной втулки копья типа I по типологии Я. Петерсена.

Ещё в трёх курганах находились удила (курганы № 241, № 265, № 344). Редкой деталью сбруи верхового коня является направляющая ремней оголовья с орнаментом в стиле Борре, найденная в кургане, раскопанном И. В. Дубовым в 1976 г. (Дубов, 1982, рис. 6: 9). В трёх насыпях найдены элементы конского оголовья, украшенные в скандинавском стиле (курганы № 100, № 285, № 382) (Sedyh, fig. 3, 4).

Находки поясной гарнитуры можно разделить на две группы. К первой относятся ременные украшения, в состав которых входят пряжки, бляшки и наконечники. Как правило, в курганах с трупоположениями пояса не отличаются богатым убранством. Тем интереснее ременный набор из кургана № 450, состоящий из пряжки, двух наконечников и 36 бляшек. Ко второй группе поясных наборов относятся железные прямоугольные пряжки и бронзовые поясные кольца. Такие находки характерны для трупоположений.

Среди поясных украшений встречается небольшое количество предметов, украшенных в стиле Борре, характерном для Скандинавии. Из поясных украшений северного происхождения следует выделить бляшку-скобу из кургана № 265 и пряжки из курганов № 85, № 321 и № 365.

Весы для малых взвешиваний и весовые гирьки найдены более чем в 30 мужских захоронениях (в том числе парных). Детали весов обнаружены как в трупосожжениях, так и в трупоположениях. Лучше других сохранились бронзовые чашки весов из кургана № 100, на каждой из которых – арабская надпись в значении «налог, подать, таможенные сборы» (Фехнер, Янина, 1978). В ряде случаев в инвентарь погребений входили бочковидные и четырнадцатигранные гирьки.

Погребения с весами и гирьками являются наиболее богатыми в могильнике и часто сопровождаются определённым набором погребального инвентаря – это предметы вооружения, детали поясной гарнитуры, бронзовые и деревянные сосуды, инструменты. Характер вещевых комплексов в захоронениях с торговым инвентарем свидетельствует о высоком социальном статусе погребённых.

С торговыми операциями связаны находки монет. Они обнаружены не менее чем в 23 погребениях. Среди них 30 восточных монет и 7 – западноевропейских (Фехнер, Недошивина, 1987, табл. 4; Седых, 2007, табл. 1; Потин, 1967, с. 172). В большинстве захоронений присутствовало по одной монете, редко – по две (курганы № 95, № 348, № 448, № 297), а в кошельке погребённого из кургана № 100 лежало 7 дирхемов. Восточные монеты обнаружены в 19 захоронениях, часть из них превращена в подвески. Интересной можно считать находку полудрахмы (Абасидские наместники Табаристана, анонимный чекан, 780–788 гг.) в кургане № 95.

Не менее чем в пяти погребениях найдены западноевропейские монеты. В одном случае (курган № 348) денарий обнаружен вместе с дирхемом. Здесь же присутствовала английская монета начала X в. – один из самых ранних денариев, обнаруженных на территории Древней Руси (Зозуля, Стукалова, 2010). В двух погребениях найдены монеты Оттона III и Адельгейды (курган № 4 из раскопок И. А. Кельсиева;[4] распаханный курган, исследованный в 1987 г.), и в одном – подражание денарию этих правителей (курган № 31). Самой поздней монетой,

[4] По данным В. М. Потина, в ходе раскопок 1878 г. были найдены ещё две монеты Оттона III и Адельгейды (Потин, 1967, с. 172). Вероятно, это ошибка.

найденной в Тимерёве, можно считать фризский денарий, чеканенный на монетном дворе Леевардена графом Бруно III (1038–1057 гг.) (Потин, 1967, с. 172; Седых, 2007, с. 233–234).

Из предметов быта отметим деревянные чаши, найденные в пяти наиболее богатых трупоположениях (мужских, женских и парных второй половины X – начала XI в.). На дне чаши из кургана № 459 имеется прикреплённая гвоздиками круглая бляха с процарапанным на ней рисунком в виде трёхлепесткового цветка. Аналогичные деревянные чаши изредка встречаются в погребальных памятниках Древней Руси и Скандинавии (Спицын, 1905 а, с. 15; Arbman, 1940–1943, Taf. 214: 1)

Бронзовые сосуды обнаружены в одном трупосожжении и двух трупоположениях. Сосуд из кургана № 459 на небольшом кольцевом поддоне имеет диаметр 24–25 см. На внутренней поверхности его дна процарапано изображение меча. Аналогии бронзовым сосудам из Тимерёва происходят из материалов Бирки (Arbman, 1940–1943, Taf. 201: 1a; 198: 1).

В числе других предметов быта, происходящих из Тимерёвского могильника, следует назвать детали вёдер, шкатулок, кресала, фитильные трубки, ботала, ножи, пружинные ножницы, ледоходные шипы, инструменты (долота, зубила, шилья, свёрла, иглы) и сельскохозяйственные орудия (обломки сошника, косы-горбуши, серп).

Среди украшений значительную группу составляют фибулы различных типов, найденные более чем в 50 захоронениях. Овальные (скорлупообразные) (тип ЯП 37, 51, 52), круглые (тип ЯП 116), трилистные и равноплечные (тип ЯП 58, 70–73) фибулы являлись принадлежностью женского костюма; кольцевидные с длинными иглами (тип ЯП 227) – мужского; подковообразные фибулы носили и мужчины, и женщины.

Бронзовые женские фибулы найдены не менее чем в 30 захоронениях. Фибулы в трупоположениях – большая редкость (3 случая). Всего обнаружено не менее 36 овальных (одно- и двускорлупных) фибул. В шести захоронениях найдено по две овальных фибулы, ещё в шести случаях овальные фибулы находились в паре с трилистной, равноплечной или подковообразной. Круглые фибулы с типичным скандинавским орнаментом встречены в трёх погребениях (рис. 7), кольцевидные с длинными иглами – в пяти.

Подковообразные фибулы происходят более чем из 20 захоронений. Превалируют спиралеконечные четырёхгранного сечения. В четырёх курганах обнаружены подковообразные фибулы с многогранными головками. Фибулы аналогичных форм часто встречаются в памятниках Фенноскандии и Древней Руси. В одном из погребений найдена фибула с многогранными головками, снабжёнными шипами, – форма, типичная для Финляндии, но нехарактерная для Скандинавии. По одному разу обнаружены фибулы прибалтийского типа с воронкообразными концами, скандинавская с утолщёнными концами и кольцевидная круглопроволочная. Основным районом распространения этих фибул являлись северо-западные земли Руси с преобладающим финно-угорским населением.

Височные кольца из серебра и бронзы, браслетообразные с завязанными или заходящими концами, с напускными металлическими и стеклянными бусами найдены в девяти женских погребениях (кремациях и ингумациях) (рис. 5). Захоронения с височными кольцами можно суммарно датировать серединой X – началом XI в.

Венчики женского головного убора найдены в пяти погребениях. Они представлены фрагментами шёлка с серебряной канительной нитью, обрывком золотной тесьмы, серебряной узкой пластиной с кружковым орнаментом и изделием из тонкой серебряной проволоки.

Шейные гривны обнаружены в 8 насыпях, исследованных экспедицией ГИМ, и в 1 погребении, раскопанном отрядом ЛГУ (Седых, 2001, рис. 8). В основном, это железные гривны из перекрученного дрота четырёхгранного сечения с запором в виде крючка и петли. В кургане № 54 гривна была обмотана бронзовой спиралью. Находки гривен происходят, главным образом, из трупосожжений. В трёх случаях на гривнах были подвески в виде молоточков Тора, специфического скандинавского амулета. Особенного внимания, бесспорно, заслуживает серебряная витая гривна, с надетыми на неё бусами и серебряными подвесками (курган № 459) (рис. 10).

Подвески различных типов представлены, в основном, в женских захоронениях. Среди них – бронзовые шумящие, типичные для финно-угорских племён, серебряные круглые с зернённым орнаментом, поясная бляшка, превращённая в подвеску (курган № 348), бронзовые бубенчики (шаровидные и грушевидные).

В 15 % исследованных курганов (кремациях и ингумациях) обнаружены бусы из стекла (глухого и прозрачного, двухслойные с металлической прокладкой), полудрагоценного камня (горный хрусталь, сердолик), янтаря, металла, кости и фаянса.

Фрагменты металлических браслетов найдены в 10 захоронениях (6 ингумаций, 4 кремации) и представлены разнообразными типами: пластинчатые и плоско-выпуклые с заходящими концами, проволочные с завязанными концами, трёхгранного сечения, ложновитой и витой из трёх проволок.

Перстни из серебра и бронзы найдены не менее чем в 20 захоронениях. Среди них – пластинчатые и круглопроволочные с завязанными, заходящими и несомкнутыми концами. В кургане № 92 находился перстень из синего прозрачного стекла. Интересно, что обнаружено значительное количество перстней со вставками (или просто вставок): они встречены в

8 курганах: № 95, № 100, № 120, № 265, № 297, № 382 (2 экз.), № 459. На трёх вставках выявлены арабские надписи[5].

Односторонние наборные гребни представлены в 20 % исследованных курганов. Нередко встречаются гребни с костяными футлярами. В двух погребениях (курганы № 245, № 348) найдены гребни с бронзовыми накладками (рис. 8).

Целые и фрагментированные копоушки встречены более чем в 20 женских захоронениях (в основном – трупосожжениях). Аналогии тимерёвским находкам обнаруживаются в материалах Ростова, Сарского городища, Старой Ладоги и на финно-угорских памятниках бассейнов рек Камы и Вятки.

Изображения глиняных бобровых лап и колец имеются более чем в 20 % погребений Тимерёва (рис. 1). Чаще всего лапы и кольца присутствуют в захоронениях по обряду трупосожжения. Находки этих изделий зафиксированы в мужских, женских, детских и парных погребениях. В Тимерёве известно не менее 68 лап и 16 колец (совместно они найдены в 11 комплексах). Всем, изучавшим феномен находок этих изделий в Ярославском Поволжье, ясно, что лапы и кольца изготавливались специально для захоронений. Бесспорным представляется и то, что лапы и кольца встречаются в могилах финно-угров (Кураев, 2000, с. 158, 160).

Всего на территории Древней Руси обнаружено 113 глиняных лап и 56 колец. Помимо Ярославского Поволжья, единичные находки лап известны в памятниках того же времени близ Ростова, Переяславля-Залесского, Юрьева-Польского, Суздаля, Старицы; один экземпляр обнаружен в Шестовице (курган № 141). За пределами древнерусской территории единичные находки (1–2 экз.) известны в Швеции (причём в пограничном с Аландскими островами районе) и на самих Аландских островах, где обнаружено около 70 экземпляров более чем в 10 могильниках (Kivikoski, 1980, p. 34, 50–51; Фехнер, Недошивина, 1987, с. 83; Кураев, 2000, с. 160). Именно в связи с этим возникло представление о том, что Тимерёвское поселение основано выходцами с Аландских островов, что в настоящее время не находит достаточных доказательств.

Отметим одно важное обстоятельство: на Аландских островах не обнаружены глиняные кольца. Не исключено, что обряд помещения глиняных лап в погребения был занесён в Тимерёво выходцами с Аландских островов, попавшими сюда в составе групп скандинавских торговцев, воинов и переселенцев. Видимо, этот обряд органично вошёл в систему религиозного мировоззрения местного населения и получил развитие уже в Ярославском Поволжье (Леонтьев, 1991, с. 41).

[5] Ещё одна вставка с арабской надписью обнаружена на Тимерёвском поселении (Дубов, 1982, рис. 40: 11).

О наличии религиозных представлений, в которых бобру уделялось особое внимание, свидетельствуют находки просверлённых астрагалов этого животного (не менее 15 погребений). Они обнаружены как в виде отдельных привесок, так и целых ожерелий. Около 40 % погребений с астрагалами бобра содержали и глиняные лапы. В двух погребениях найдены костяные острия, оканчивающиеся зооморфными головками – возможно, изображающими бобра.

Некоторые находки свидетельствуют о культовых представлениях, связанных с другим животным – медведем. В кургане № 95 найден медвежий клык-подвеска (Дубов, 1976, рис. 2: 26). В погребении № 297 обнаружена медвежья лапа, на фалангу которой надет перстень (Дубов, Седых, 1992, с. 121).

В кургане № 261 зафиксировано обрядовое печенье в виде двух лепёшек из теста, нанизанных на железную проволоку. Аналогичные находки известны по материалам Бирки.

Свеча неправильно-четырёхугольной формы без фитиля с обгоревшим верхним краем найдена на крышке сруба кургана № 100 (рис. 3). Аналогичные находки имеются в курганах X в. Скандинавии, знаменитых захоронениях близ Маммен и Елинге (Дания), где свечи также лежали на верхних перекрытиях погребальных камер. Три куска воска были положены на кострище кургана № 323, видимо, с охранными целями. Воск и свечи изредка встречаются в могильниках Гнёздова, Шестовицы и ряда других памятников Древней Руси (Пушкина, 1997 а). Находки свечей и воска, вероятно, связаны с процессом христианизации местного населения.

Нательные кресты обнаружены в четырёх погребениях по обряду трупоположения. Два крестика относятся к так называемому скандинавскому типу, два другие экземпляра вырезаны из дирхемов (969/970 г. и 997–999 гг.) (рис. 11).

Рис. 11. Крест, вырезанный из дирхема, чеканенного в 969/970 г. Тимерёво, курган № 459 (ГИМ 104269, оп. 2475). Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Рис. 12. Бронзовые крючки в виде птиц из кургана № 383 в Тимерёво (ГИМ 98561, оп. 1946). Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Погребальный инвентарь Тимерёвских курганов чрезвычайно разнообразен. Кроме перечисленных выше предметов, следует упомянуть ещё несколько категорий находок.

Интересны пинцет из кургана № 188 и принадлежность скандинавского мужского костюма – бронзовые крючки для обмоток в виде птиц из погребения № 383 (рис. 12).

Более чем в 15 курганах найдены бронзовые пуговки, причём в одном случае (курган № 295) их обнаружено 17 экземпляров.

Редкой находкой является оковка игральной доски из кургана № 277. В этом комплексе найдены также две шашки из зелёного и тёмно-вишневого прозрачного стекла. В захоронении кургана № 100 обнаружена одна шашка голубоватого стекла. В погребении № 284 выявлена костяная орнаментированная шашка (Седых, 2001, с. 178).

Необычна роговая подвеска бутылковидной формы, орнаментированная поясками выемчатых треугольников, происходящая из кургана № 140 (рис. 13).

Самый массовый материал в Тимерёвском могильнике – керамика. Она найдена более чем в 70 % погребений с различными обрядами погребений, независимо от пола и возраста умершего. В захоронениях с обрядом трупосожжения (на месте и на стороне) керамика находилась на кострище, в насыпи, в грунтовых ямах под кострищем и сразу под дёрном. В курганах с трупоположениями один или два сосуда (или их обломки) чаще всего находились либо в ногах погребённого, либо около правой или левой руки, либо близ головы. Сосуды выполняли роль погребальной урны, жертвенного сосуда или просто содержали предназначенную умершему пищу. Иногда целый горшок заменялся фрагментом керамики, положенным в погребение символически.

Лепная керамика составляет более 85 % всего керамического материала Тимерёва – более 180 целых (или с полным профилем) сосудов (рис. 3; 14). Подробный и тщательный анализ лепной керамики проведён Л. И. Смирновой, выделившей 12 основных групп (Смирнова, 1987).

Большую группу (22 целых сосуда) составляют чашевидные круглодонные сосуды, орнаментированные оттисками гребенчатого штампа и верёвочки. Подобные известны в камско-вычегодких древностях, откуда, по мнению автора, происходило проникновение населения на запад. Л. И. Смирнова отмечает четыре группы керамики, близкие по форме (группы IV–VII). Аналогии им имеются в материалах Волго-Окского и Волго-Ветлужского междуречий, а также, по утверждению Д. Селлинг, на территории Швеции, где подобные горшки считаются предметами местного производства. Особый акцент делается на керамике VIII группы, в которую входит 9 сосудов с загнутым внутрь венчиком. По данным Д. Селлинг, такие горшки составляют значительный процент в памятниках раннего Средневековья на территории Швеции. Однако безоговорочно признать такие сосуды Тимерёвского могильника скандинавскими по происхождению, замечала Л. И. Смирнова, не позволяет тот факт, что эта форма распространена и среди Волго-Окских древностей (Смирнова, 1987, с. 94–95; Selling, 1955, p. 167–176, 190–196). Правда, следует заметить, что все трупосожжения на месте X в. с подобными сосудами расположены в местах концентрации захоронений с ярко выраженными скандинавскими чертами.

Помимо сосудов, выявленных целыми сериями, есть и редкие формы керамики, представленные одним-двумя горшками. Часть из них также связана с финно-угорским миром, некоторые (20 экз.) можно отнести к славянским древностям. Аналогии последним находим в Новгороде, Изборске, Старой Ладоге и других памятниках Новгородской и Псковской земель, а также в роменской и вятичской керамике.

По сравнению с лепной, гончарной керамики в Тимерёве найдено сравнительно немного. Она происходит из 30 курганов, содержащих трупосожжения

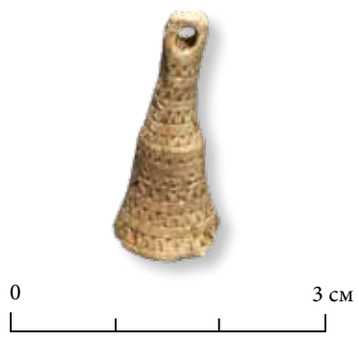

Рис. 13. Роговая подвеска из кургана № 140 в Тимерёво (ГИМ 103390, оп. 2129). Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

и трупоположения. Целые сосуды обнаружены в курганах № 110, № 237 и № 393. Три сосуда из кургана № 393 по пропорциям напоминают славянские горшки гнёздовского типа. Другие сосуды круговой работы по пропорциям близки лепной посуде финно-угорского облика. Первые находки гончарной керамики в Тимерёве происходят из комплексов второй половины X в., хотя уточнение времени её появления в регионе остаётся отдельной задачей, важной для решения целого ряда вопросов ранней истории Ярославского Поволжья.

Следует отметить несколько случаев находок болгарской керамики: это фрагменты сосудов в курганах № 80 и № 171, а также целый красноглиняный гончарный кувшин с вертикально расположенными лощёными линиями из кургана № 237.

Ключевыми для понимания роли и места Тимерёвского комплекса в процессе становления Древнерусского государства являются вопросы хронологии и, прежде всего, вызвавший до сих пор неутихающую дискуссию вопрос о том, когда же возникло поселение, жители которого оставили могильник. Ответ на него может дать сопоставление поселенческих и погребальных древностей. В могильнике есть, например, односкорлупные фибулы типа ЯП 37-3, 37-11, равноплечая фибула типа ЯП 58 и другие категории вещей, позволяющие выделить погребения, относящиеся, видимо, к концу IX или рубежу IX–X вв. Продолжение систематизации погребального инвентаря Тимерёвских курганов позволит объективно оценить количество ранних захоронений могильника.

Среди поселенческих материалов наиболее значимыми для определения начальной даты оказываются клады куфических монет, обнаруженные как на самом селище, примыкавшем к могильнику, так и на левом берегу р. Сечки, вблизи Тимерёвского комплекса. Клад 1973 г., происходящий непосредственно из Тимерёва, с младшей монетой 865/866 г., насчитывал 2762 монеты; клад 1967 г., с младшей монетой 867 г., по мнению В. Н. Седых, состоял не менее чем из 2100 монет; клад 1968 г., с младшей монетой 868/869 г., состоял из 1515 монет (Добровольский и др., 1996, с. 184–187; Седых, 2003, с. 273). Клады столь значительных объёмов, попавшие в землю на рубеже второй и последней трети IX в., свидетельствуют о том, что поселение начало функционировать не позднее этого времени.

Часть захоронений в могильнике была совершена в первой половине X в., но абсолютное большинство погребений относится к середине – второй половине X в. Очевидно, именно в это время Тимерёво достигает своего расцвета.

К концу X – началу XI в. начинается постепенное затухание Тимерёва. Наиболее поздние погребения могильника совершены по обряду трупоположения в яме и маркируются, в том числе, находками денариев. Так, одним из самых поздних захоронений следует, вероятно, признать комплекс, исследованный В. Н. Седых в 1989 г., в инвентаре которого представлен фризский денарий 1038–1057 гг. (Седых, 2007, с. 234). Погребение можно датировать серединой XI в.

На поселении, как уже отмечалось, собрана достаточно представительная серия находок XII–XIII вв., однако установить размеры селища этого времени и его связь с ранним Тимерёво по имеющимся данным не представляется возможным.

Рис. 14. Лепные сосуды из курганов Ярославского Поволжья:
Михайловское, раскопки И. А. Тихомирова 1897–1898 гг., номера курганов неизвестны; Тимерёво, курган № 458 (ГИМ 44730, оп. 290; 104269, оп. 2475). Фото С. А. Авдусиной и А. М. Красниковой

Таким образом, Тимерёвское поселение и синхронный ему могильник возникли на рубеже второй и последней трети IX в. и просуществовали до середины XI в., то есть около 180 лет.

Не менее важен анализ материалов Тимерёвского некрополя для прояснения вопроса этнической принадлежности памятника – проблемы сложной и во многом противоречивой, имеющей обширную историографию. Общепризнанным на сегодняшний день можно считать лишь тот факт, что курганы оставлены неоднородным по составу населением.

Коренными насельниками региона являлись, по-видимому, финские племена, что подтверждается наличием в курганах определённых категорий погребального инвентаря: костяных копоушек, шумящих подвесок, подвесок из астрагалов бобра, некоторых типов подковообразных фибул, кресал прямоугольных и с фигурами медведя на рукояти, а также, скорее всего, глиняных лап и колец. Особо стоит выделить финскую лепную керамику, аналогии которой Л. И. Смирнова находит на широкой территории от Приладожья до Прикамья. Л. И. Смирнова и А. Е. Леонтьев считают, что можно говорить лишь о сложном составе финно-угорского населения, проживавшего в Тимерёве, но связывать его с какой-то определённой группой финнов, по их мнению, мы не вправе (Смирнова, 1987, с. 99; Леонтьев, 1991, с. 44).

В последней трети IX в. в этот регион начали продвигаться группы скандинавов в поисках, в том числе, возможности приобретения продуктов пушного промысла. Погребения скандинавов выделяются достаточно чётко по целому ряду признаков. Среди них следует назвать детали специфического скандинавского костюма (прежде всего, фибулы, крючки-птички для обмоток) (рис. 12), железные гривны, иногда с привесками в виде молоточков Тора, обрядовое печенье, воск и свечи – предметы, употреблявшиеся в захоронениях с магическими целями. Возможно, со скандинавами в Ярославском Поволжье связана одна небольшая серия керамики, аналогии которой Д. Селлинг находит на территории Швеции, где подобные горшки считаются предметами местного производства. Каменные конструкции и камерные погребения также характерны для скандинавского обряда погребения. Наличие в этой группе не только мужских, но и женских, и детских захоронений позволяет утверждать, что в Тимерёве скандинавы жили семьями. Среди них наверняка были и выходцы с Аландских островов.

Наконец, среди трупосожжений второй половины X в. и трупоположений конца X – начала XI в. присутствуют погребения с невыразительным инвентарём, в который входят височные кольца, некоторые типы лепной и гончарной керамики. Эти захоронения можно связать с зарождающейся древнерусской культурой, в основе которой, бесспорно, прослеживается славянский компонент.

Подведём некоторые итоги. Итак, в IX в. в Ярославском Поволжье начались процессы, в результате которых в регионе возникает ряд посёлков, одним из которых явилось Тимерёвское поселение. Тимерёвский археологический комплекс просуществовал 170–180 лет. Возникновение Тимерёва (как и его затухание) обусловлено, прежде всего, экономическими причинами.

В некрополе селища присутствуют захоронения местного и пришлого финского населения, скандинавов, пришедших в поисках пушнины, а также славян, начавших колонизацию края в период расцвета поселения.

Посёлок, насчитывавший 120–130 человек, был расположен в необычном для ранних поселений труднодоступном месте – на высоком коренном берегу р. Которосли, практически на водоразделе между этой рекой и Волгой. От Волги он был удалён на 12 км, а с Которослью, протекавшей в 3 км, его соединяла небольшая речка Сечка, которая даже в древности, при полном водосборе, не могла быть судоходной. Основным занятием жителей был, по-видимому, пушной (бобровый?) промысел, а также земледелие и скотоводство (в курганах найдены обломки сошника, косы, серп). Находки в погребениях монет, привозных бус, болгарской керамики и других импортов дают возможность говорить об участии в международной торговле.

Как отмечалось выше, на кладбище выделяются могилы с богатым инвентарём, в частности, с оружием, в том числе с мечами. С другой стороны, основная масса захоронений бедные, а подчас и безынвентарные. Возможно, богатые погребения принадлежали верхушке местной знати, державшей в своих руках управление сельской округой, центром которой и являлось Тимерёвское поселение.

И хотя наличие нескольких крупных кладов, богатых захоронений, очевидное присутствие скандинавов неизменно привлекают к этому памятнику повышенное внимание исследователей, у нас тем не менее нет никаких оснований считать Тимерёво посёлком «раннегородского» типа, ключевым пунктом на этом отрезке Волжского пути или ставить его в один ряд с такими крупными памятниками, как Старая Ладога, Гнёздово, Хедебю или Бирка. Особенно показательно в этом плане присутствие всего в 4 км от Тимерёва синхронного и во многих отношениях аналогичного ему комплекса памятников у д. Петровское, расположенного в сходных топографических условиях, но на волжском склоне водораздела (Леонтьев, 1989б).

Основные различия между этими памятниками состоят лишь в том, что, благодаря многолетним масштабным археологическим исследованиям и лучшей сохранности могильника в Тимерёве, удалось получить весьма яркие и многочисленные материалы. Материалы, в которых нашли отражение сложные процессы складывания древнерусской народности на северо-восточных окраинах государства.